

УДК 908

DOI: 10.30624/2220-4156-2024-14-2-382-397

**«Обновлённая Югра» – образ Ханты-Мансийского округа
в юбилейном издании 1970 г.**

А. Г. Киселёв

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
kiselev1954@mail.ru*

С. В. Онина

*Югорский государственный университет,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
oninas@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена официальному образу Ханты-Мансийского национального округа эпохи «Большой нефти», общим и особенным его чертам в сравнении с образами предшествующих десятилетий.

Цель: выявление вербальных и визуальных составляющих официального нарратива, определение основных элементов образа округа в их единстве и противоречии.

Материалы исследования: юбилейный сборник «Обновлённая Югра» (1970 г.).

Результаты и научная новизна. Эпоха «Большой нефти», пробудившийся в России интерес к национальным традициям и становление национальных литератур народов Севера «подсказали» и возвращение «Югры» в официальный региональный дискурс, и форму этого возвращения, представленную на обложке юбилейного сборника в облике оленевода, нефтяной вышки и строителя-монтажника. Названный образ не просто наполнил новым содержанием прежние представления об округе как промышленном регионе, но и придал ему значимую субъектность «центрального» региона СССР. Его поликультурный характер, декларируя единство, однако был чреват и проблемами, которые не желали замечать, но всё же видели даже авторы – участники подготовки юбилейного сборника.

Научная новизна исследования состоит в доказательстве возвращения образа «Югры» в официальный региональный дискурс, определении вербальных и визуальных особенностей его репрезентации в юбилейном сборнике 1970 г.

Ключевые слова: образ Ханты-Мансийского округа, «Большая нефть», «прежде и теперь», «обновлённая Югра», историческая ретроспектива

Для цитирования: Киселёв А. Г., Онина С. В. «Обновлённая Югра» – образ Ханты-Мансийского округа в юбилейном издании 1970 г. // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 2 (57). С. 382–397.

**“Renewed Yugra” – the image of Khanty-Mansiysk Okrug
in the anniversary publication of 1970**

A. G. Kiselev

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
kiselev1954@mail.ru*

S. V. Onina

*Yugra State University,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
oninas@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to the official image of Khanty-Mansiysk National Okrug during the “Big Oil” era, its general and special features in comparison with the images of previous decades.

Objective: identification of verbal and visual components of the official narrative, identification of the main elements of the Okrug’s image in their unity and contradiction.

Research materials: anniversary collection of the 1970 “Renewed Yugra”.

Results and novelty of the research: the era of “Big Oil”, the awakened interest to national traditions in Russia and formation of national literatures of the peoples of the North “prompted” the return of “Yugra” to the official regional discourse and the form of this return, which was presented on the cover of the anniversary collection in the guise of a reindeer herder, an oil rig and a builder. This image not only filled the previous ideas about the Okrug as an industrial region, but also gave it a significant subjectivity of the “central” region of the USSR. Its multicultural character, declaring unity, however, was fraught with problems that they did not want to notice, but the authors who participated in the preparation of the anniversary collection saw it.

The scientific novelty of the study lies in proving the return of the image of “Yugra” to the official regional discourse, determining the verbal and visual features of its representation in the anniversary collection of 1970.

Key words: image of Khanty-Mansiysk Okrug, “Big Oil”, “before and now”, “renewed Yugra”, historical retrospective

For citation: Kiselev A. G., Onina S. V. “Renewed Yugra” – the image of Khanty-Mansiysk Okrug in the anniversary publication of 1970 // *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2024; 14 (2/57): 382–397.*

Введение

Настоящая статья является продолжением ранее опубликованной работы, посвящённой образу Остяко-Вогульского / Ханты-Мансийского национального округа в его официально-юбилейном изводе [17]. Вслед за рождением и изменениями образа в 1930–1950-е гг. рассмотрим его инвариант 1960-х гг.

Десятилетие 1960-х оказалось в высшей степени противоречивым периодом, вместившим в себя и принятие программы строительства коммунизма, и полёты первых космонавтов, и появление концепции «развитого социализма», и завершение оттепели, и консервативный поворот, положивший начало так называемым «длинным семидесятым» [4, 5; 27, 18]. Одной из важнейших страниц истории 1960-х гг. стало и нефтегазовое «открытие» Сибири, названное современными исследователями «вторым покорением» [1]. «Большая нефть»¹ в Ханты-Мансийском округе составила целую эпоху и, изменив его облик, не могла не сказаться на его образе, в том числе в официальных репрезентациях.

Научная значимость темы в широком смысле определяется взаимосвязью природы и культуры, языка, сознания и культуры, проблематикой коммуникации, дискурса, картины мира, концептов и образов – такое расширение границ гуманитарного знания сопровождается появлением новых направлений и развитием междисциплинарных исследований [39, 448–449]. В узком смысле тему актуализируют,

прежде всего, филологическое регионоведение с его «региональным / локальным текстом», «концептом региона» и гуманитарная география, уже – география образов (концепт «культурного ландшафта») что, в свою очередь, стимулирует интерес к имагологическим моделям региона.

В этой связи обращают на себя внимание труды как методологического [2; 12; 14; 25], так и прикладного [5; 7; 28] характера, отдельные результаты, приёмы и методы которых использованы в данной статье.

Среди работ, посвящённых Сибири, Северу, их образам и идентичности [1; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 13; 18; 28; 29; 30; 36] отметим эссе основателя культурной географии Д. Н. Замятина «Метагеографические образы Сибири» (2010). Автор писал о сибирском архетипе – сочетании природных образов холода, однообразных равнин, тайги, степей и болот с образами безлюдья, «языческой дикости», сопряжённых с представлениями о «мифологических и реальных богатствах», о некоторых исторических формах этого архетипа, в частности устойчивых ресурсно-периферийных, фронтальных образах. Обобщая, Д. Н. Замятин указал на наличие двух ментальных страт – собственно географических образов и культурных ландшафтов, отмечая слабость локальных мифологий и региональных идентичностей, в значительной степени носящих заимствованный характер [13].

В 2018 г. в работе, посвящённой проблеме югорской идентичности, И. А. Верховский

¹ Образ «большой нефти», использованный Ф. К. Салмановым в названии рассказа «Путь к большой нефти» – части исследуемого источника, относится к месторождениям Севера Западной Сибири. В этом значении он фигурирует и в VII томе Академической истории Югры [1, 241, 338, 573]. Как исторический период широкого освоения нефтяных запасов «Большая нефть» (с прописной «Б») понимается авторами сборника статей «Накануне Большой нефти»: Югра в послевоенные годы (1945–1950-е гг.), который часто цитируют в названном томе Академической истории [1, 11, 12, 14 и др.]. В разных контекстах статьи используются оба значения.

рассуждал о складывании и развитии образа региона за счёт сочетания «своего» и «чужого» и постепенного «освоения» последнего. Образ Югры представлен как «архаика в модерне», его составляющими по результатам ассоциативного эксперимента, названы «нефть», «Алёша» (памятник покорителям Самотлора в Нижневартовске), «медведь», мост через р. Иртыш в Ханты-Мансийске [6, 266–268, 271].

Одну из первых попыток лингвокультурной концептуализации Югры предприняла Т. А. Сироткина (2020), использовавшая в качестве источника словари диалектной речи, воспоминания ссыльных, поэтические тексты и данные опроса студентов. Результат формулируется как «регион с уникальной природой», в диахронии уточняется, негативное качество этой уникальности применительно к XIX – началу XX вв. (в основном по воспоминаниям ссыльных) и позитивное представление об округе в глазах современников (регион, богатый природными ресурсами, активно развивающийся благодаря усилиям власти и населения). Этнические маркеры упоминаются, хотя и не являются доминирующими (поэтическая «хантыйская Югра») [28].

В 2021 г. на свет появились две работы, посвящённые отражению образа Югры в языке. Статью с анализом языковой репрезентации округа в современных СМИ опубликовали Е. А. Челак с соавторами. Как и в работе Т. А. Сироткиной здесь использованы количественные методы, позволившие выстроить иерархию мотивов привлекательности Югры с абсолютным преобладанием экономических мотивов перед культурно-историческими, природно-пространственными и др. [18, 166].

В центре внимания автора второй статьи В. В. Гаврилова: базовые элементы «концептосферы югорского текста», который определяется им (по Н. А. Купиной и Г. В. Битенской) как сверхтекст / метатекст, а именно: «нефть», «человек», «север», «снег», «рыба», «тайга», «олень», «медведь» и другие, благодаря которым метатекст существует и развивается [7, 72, 75].

В 2022 г. была опубликована статья Г. М. Васильевой и М. В. Виноградовой «Культурно-географический образ Сибири в языковом сознании российских студентов», построенная на сравнительном анализе материалов словарей и, как у И. А. Верховского и Т. А. Сироткиной, на данных ассоциативного эксперимента.

К устойчивым, стереотипным представлениям о Сибири авторы отнесли в первую очередь собственно-географические – ландшафт, климат, размер, местоположение. Сибирь и в словарях, и в языковом сознании студентов предстаёт как обширный, далёкий от центра регион с чрезвычайно суровым климатом и таёжным ландшафтом. При этом сравнение современных экспериментальных данных со словарным материалом показывает некоторое усиление роли в развитии образа Сибири полезных ископаемых («нефть», «газ», «золото», «руда») и элементов бытовой культуры сибиряков [5, 10].

Авторы коллективной монографии «Югорский текст как поликультурный феномен» (2024), исходя из определения Н. А. Купиной и Г. В. Битенской, в качестве основного конституирующего фактора югорского метатекста рассматривают миф о преображении мира, миф в парадигме этнической традиции и промышленного освоения Югры [35, 352].

Названные выше варианты определения образа Югры, так или иначе, апеллируют к идее развития, идее истории. У Д. Н. Замятина и И. А. Верховского налицо историческая ретроспектива, Т. А. Сироткина в качестве источника использует мемуарную литературу, проливающую свет на изменения восприятия Югры на протяжении XIX–XX вв. Изменения образа Сибири показывают и Г. М. Васильева и М. В. Виноградова.

«Внетекстовые связи», в том числе «условия жизни», политическую идеологию, исторические события признают в качестве одного из оснований объединения корпуса отдельных текстов в региональный метатекст авторы названной монографии «Югорский текст» [35, 5]. Характерно и наличие в книге разделов, посвящённых репрезентации «вербальной югорской культуры», «югорского пейзажа» (природного) через печатные издания, в том числе периодику [19], образам Югры в архивных документах [10].

Но не только гео- и лингвокультурология, литературоведение «прорастают в историю», история, в свою очередь, и обращается к изучению художественного текста как источника [11; 29; 40]), и прибегает к идеям, подходам, методам, заимствованным из арсенала других гуманитарных наук. Показательно использование Е. И. Зубковой и А. И. Прищепой во введении к 7-му тому Академической истории Югры (1953–1991 гг.) понятий имиджа, идентичности,

официального советского лексикона, ментальных стереотипов восприятия Севера, суждения о вытеснении-присвоении-замещении Югры на дискурсивном уровне, о «сибирских текстах» [1, 8–10].

Образы Сибири, Югры изучаются широким кругом историков [17, 765]. Среди трудов, непосредственно связанных с темой статьи, обратимся к работам Ю. Л. Слёзкина, А. Д. Трахтенберг, О. Н. Стафеева, Е. И. Гололобова, И. Н. Стася.

Монография Ю. Л. Слёзкина «Arctic Mirrors...» / «Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера» увидела свет в 1994 г. в Нью-Йорке. На русском языке книга была издана в 2008, а затем и в 2017 гг. Образ Севера здесь – это образ коренных малочисленных народов, переживших в советскую эпоху «Большое путешествие», имевшее целью «преодоление отсталости» = русификацию и «вступление в ряды дисциплинированных борцов за социализм». Одним из результатов советизации, в том числе промышленного развития и притока русскоговорящего населения, ещё в предвоенный период стал новый образ Севера – без коренных северян, которых стали считать такими же, «как все» [29, 314–329; 40, 275–292]. Характеризуя «Арктические зеркала», нельзя не отметить широкого использования автором в качестве исторического источника советской художественной литературы («Беллетристика как история» – название одного из разделов монографии).

Как и у Ю. Л. Слёзкина предметом исследования А. Д. Трахтенберг стал образ не только Севера, но и коренных малочисленных народов. На языке дискурсивного анализа в статье 2005 г. ««Югра же людье есть язык нем»...» она описала историю моделирования образа региона, советской и постсоветской идентичности, показала, как вместе с решением основных задач советизации заметная в 1920-х – начале 1930-х гг. тема модернизации традиционных сообществ утрачивает своё значение. В советском героическом дискурсе «нефтяного освоения» Сибири, доминировавшем в 1950-е гг., «для ханты и манси места не было (в буквальном смысле этого слова)» [33, 307].

В 2008 г. была опубликована статья О. Н. Стафеева об общественном восприятии промышленного развития Югры и его отражении в образе региона. Воспоминания, состав-

ленные источниковую основу работы, дают возможность увидеть Югру нефтяную глазами советского, партийного, хозяйственного начальства, нефтяников, воспринимавших нефтяную историю как историю личную, иначе говоря, в рамках «официальной истории», что даёт возможность сравнения этих образов с образом юбилейных изданий. Заслуживает быть отмеченной и используемая автором лексика, с помощью которой конструировался образ региона («поле битвы», «нефтяные богатства», «обустройство», «освоение», «первопроходцы», «герои» и т. п.) [31, 361].

Е. И. Гололобов в исследовании образа Сибирского региона (2017), рассматривает его как интеллектуальный конструкт, феномен общественного сознания, сконструированный в русле парадигмы «покорения природы», ресурсного подхода, отмечает присущую им модальность модернизации. В символическом и социально-экономическом пространстве СССР Сибирский Север предстаёт как «кладовая без дна», «покорённая территория» [9, 146; 10, 109–112], коренные народы которой очевидно не укладываются в индустриальный контекст.

Принципиально схожее видение проблемы у И. Н. Стася (2019) дополняется важной оценкой нижней временной границы складывания промышленного образа Ханты-Мансийского округа – конец 1940-х – начало 1950-х гг., когда, ещё до «Большой нефти», усилиями и ожиданиями и власти, и печати, отчасти и населения формируется представление об исключительно промышленном будущем региона [30, 148]. Исследователь оперирует понятиями контекстуализации, фрейма, паттерна, идентификации, дискурса, по сути, строит новое историческое знание, в том числе с позиций когнитивно-дискурсивного подхода.

В 2023 г. с позиций междисциплинарного подхода образы округа в юбилейных изданиях, посвящённых «круглым датам» его истории (1930–1950-е гг.), были представлены и нами [15; 17].

Анализ литературы, во-первых, даёт возможность определиться с целью и задачами работы, последние суть: выявление общего и особенного в образе округа, установление причин его изменений в историческом контексте; во-вторых, легитимирует междисциплинарность исследования.

Материалы и методы

Источником послужило юбилейное издание 1970 г. «Обновлённая Югра. К 40-летию Ханты-Мансийского национального округа», включая тексты и изображения.

Наряду с общенаучными методами описания, анализа, обобщения использованы отдельные приёмы контент-анализа, позволяющего установить частоту употребления характеризующей образ округа лексики (лексических единиц – далее ЛЕ), ключевых слов (КС) [20, 145; 26, 284], а также идеи поля, «подсказывающие» порядок определения иерархии соответствующих ЛЕ [34], их ролевые позиции [24, 160–164]. Визуальный ряд источника анализировался в соответствии с существовавшими в конце 1950-х – начале 1970-х гг. представлениями о документальной и художественной фотографии, её образности [32, 219–234]. Вербальная и невербальная составляющие источника были исторически интерпретированы, то есть соотнесены с основными историко-культурными реалиями 1960-х гг.

Результаты

Четвёртый по счёту юбилейный сборник «Обновлённая Югра» в честь 40-летней годовщины организации Ханты-Мансийского

округа был издан в Свердловске в 1970 г. От предыдущих подобных изданий он отличался разножанровым характером текстов (как в некоторой степени и «В братской семье народов», 1951 г. [17, 768]) и глубиной ретроспекции, «захватом в кадр» не только ближайшего прошедшего десятилетия, но и исторического пути Среднего и Нижнего Приобья целиком.

После краткой аннотации и исторического очерка находим в книге, хотя и оснащённые статистическими данными, цитатами и ссылками, всё же публицистические по своей стилистике тексты, подготовленные секретарями окружка КПСС П. М. Телепнёвым, П. Е. Плесовских и Л. Г. Тайлашевым. Их продолжают воспоминания Ф. К. Салманова об открытии нефтяных месторождений. Далее представлена патриотическая лирика национальных поэтов Ю. Н. Шесталова, М. И. Шульгина, В. С. Волдина, Р. П. Ругина, исторический рассказ «из прошлого» народа ханты М. Мамина. Завершают сборник литературный очерк редактора газеты «Тюменский комсомолец» Ю. И. Переплёткина, посвящённый молодым героям нефтегазового освоения края и рассказ Ю. Н. Шесталова «Кто нашёл газ?». Структура книги представлена в таблице 1.

Таблица 1

Структурное описание книги «Обновлённая Югра. К 40-летию Ханты-Мансийского национального округа»

Название разделов	Количество		
	страниц	стат. данные	цитат и ссылок
Аннотация	1	-	-
Земля древних угров	6	3	9
Приобье покоряется мужественным и смелым			
– Коммунисты – ведущая сила	18	15	10
– Богатства Севера на службе народа	15	14	1
– Обновлённая Югра	13	14	3
Путь к большой нефти	22	1	4
Поэтов вдохновенных голоса	9	-	-
В седом урмане	5	-	-
Зимник	12	-	-
Кто открыл газ?	3	-	-
Итого:	104	47	27

Определим частоту употребления ЛЕ в представленных разделах таблицы условно первой половины книги (нехудожественный текст). Это позволит выделить круг КС, репрезентирующих семантику образа округа.

Земля древних угров

Самыми высокочастотными здесь являются ЛЕ с общим значением «(коренные) (малые) народы (Севера)», включая этнонимы – 19 употреблений. По 7 раз встречаются в

тексте ЛЕ «Россия», «Север», «Югра». Тем не менее, в качестве ядерного КС, по нашему мнению, следует определить именно «Югра».

Необходимо обратить внимание на то, что название раздела «Земля древних угров» представляет собой своеобразное «единство оппозиции»: земля – народ (угры), в котором «земля» не только стоит в сильной позиции, но фактически и представлена как «угорская». Очевиден и факт принадлежности раздела книге «Обновлённая Югра» = земля древних угров, и поддержка «Югры» доминирующим в книге КС «(Ханты-Мансийский) (национальный) округ». Забегая вперёд, отметим, что «Югра» встречается ещё в трёх разделах книги «Коммунисты – ведущая сила» и «Богатства Севера на службе народа», в том числе непосредственно в названии одного из них – «Обновлённая Югра».

Из прежних юбилейных изданий «Югра», «Югорская земля» фигурируют только в сборнике 1941 г. – пять раз в историческом очерке и один – в разделе об охотничьем промысле [15, 347].

Возвращаясь к «Земле древних угров» отметим, что в 6 случаях «Югра» выступает как топоним. Только в одном («первые известия об Югре»), имея в виду не упомянутый летописный источник («Югра же людье есть и язык их нем»), характер её номинации можно считать не вполне определённым. При этом в трёх предложениях ЛЕ «Югра» связана с номинациями коренных народов.

Близок КС «Югра» и КС «Север», по существу макрорегиональный топоним. Связь поддерживается не только представлением о части и целом, принадлежностью к одному онимическому разряду, но и через ЛЕ а) «малочисленные» / «коренные» народы / «инородцы», содержащиеся в четырёх предложениях с ЛЕ «Север»; б) «кабала» / «грабёж» и «пушнина» в двух предложениях со словом «Югра» и одним – со словом «Север». При этом угнетённые народы

– «Югры были под властью Сибирского ханства». / «Шли православные миссионеры и купцы с крестом и водкой, с новой кабалой для коренных народов Югры». / «Угасание инородческих племён Севера». / «Передовые умы знали бедственное положение коренных народов Севера» [23, 6, 8, 9] сообщают

«Югре» и «Северу» качество «объекта», «пациенса».

Наконец и «Югра», и «Север» выступают как преодолевшие прошлое:

– «коренной поворот в судьбе малых народов Севера». / «Ярок сегодняшней день древней Югры» [23, 10].

Доминирование упоминания «Югры» допустимо отметить и здесь – условно именно «сегодняшний день» (1960-е гг.) и является предметом репрезентации в книге 1970 г.

С КС «Югра» и «Север» связано КС «Россия». Поскольку раздел посвящён дореволюционной истории, Россия здесь «царская». В этом качестве в 5 предложениях из 7 она и результаты её усилий характеризуются такими прецедентными ЛЕ, как «тюрьма народов», «наследие тяжёлое и страшное», «патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость» [23, 9]. В то же время её «передовые умы... знали бедственное положение коренных народов Севера», а «новый политический строй» сделал возможным вышеназванный поворот в судьбе малых народов [23, 8, 10]. Здесь отчётливо просматривается роль агенса.

В группе КС в значении «коренные малочисленные народы Севера» – выделяются КС, содержащие общие номинации («коренные», «малые народы» и т. п. – всего 7), этнонимы (всего 10), архаичные определения («инородцы» – 2). Среди ролевых позиций этой группы КС заметно преобладают, свойственные КС «Югра» и «Север» объект и пациент:

– Россия и коренной поворот в судьбе северян. / «Бедственное положение коренных народов». / «Усиливается эксплуатация и грабеж этих народов» [23, 8].

В роли агенса они выступают лишь в двух случаях:

– «Учились лишь 15 человек из числа малых народов». / «Ненцы и ханты от Берёзова до Обдорска восстали...» [23, 8, 9].

В этом отношении «Земля древних угров» 1970 г. практически без изменений повторяет оценки «Исторического очерка» первого юбилейного сборника 1941 г. [15, 349–350].

«Объектный» характер ЛЕ, используемых для характеристики коренных народов в «Земле древних угров» подтверждается и анализом цитат из текстов XIX – начала XX вв. [23, 7, 8, 9] Практически все свидетельства и оценки

современников, отразившиеся в них, характеризуют угнетённое положение автохтонов (неэквивалентная торговля, ясак, долги, неграмотность, угасание).

Анализ текста «Земля древних угров» показывает, в частности, жизненную силу одной из классических советских идеологием – «прежде и теперь», суть которой заключалась в критике «проклятого» прошлого, поддержке оценки Октябрьской революции 1917 г., как «коренного поворота», а также в идее продолжающихся преобразований (округ «идёт в ногу со всей страной, строящей коммунизм. Ярок сегодняшней древней Югры» [23, 10]).

Коммунисты – ведущая сила.

В качестве КС здесь выделяются наиболее частотные ЛЕ с общим значением «партия, коммунисты» (86 упоминаний), «работа-труд» (41), «окружные топонимы» (39), «организация» (38), «советы» (34), «Север» (31 плюс «Сибирь» 6), «рыба, рыбная промышленность» (31), «(Ханты-Мансийский) округ» (28, плюс «Приобье» 5, плюс «край» 2), «хозяйство» (25), «коренное население» (24, в том числе 9 этнонимов), «нефть» (22, плюс «газ» 5).

Имея в виду «зонтичный» характер КС со значениями «Север», «окружные топонимы», «округ» (всего 111 упоминаний), допустимо определить их в качестве ядра. Косвенным образом этот выбор подтверждает текст первого и последнего абзацев раздела. Первый содержит КС «партия, коммунисты» и «Обской Север» [23, 11], в последнем налицо только: «Север», «округ», «Западная Сибирь», «Приобье» [23, 29].

К центральным следует отнести такие КС, как «партия, коммунисты» (субъект, агенс), «работа, труд» (деятельность, предикат), «организация» (орудие, результат, предикат), «советы». Общей их темой является «политика» – из 38 случаев использования КС «организация» на определение деятельности, связанной с экономикой, производством, приходится только 6, а из 16 ЛЕ со значением «строительство» – только 1.

В качестве комментария отметим крайне незначительные позиции в тексте раздела «Коммунисты...» ЛЕ со значением «культура» (14, именно здесь 6 раз присутствует «культурное строительство»), «сельское хозяйство, колхозы» (4), «школа» (3). Хотя в ракурсе глубокой ретроспективы (раздел посвящён не 1960-м гг.,

а всему советскому времени) эти сферы имели символическое значение («культурная революция», «школа», «коллективизация сельского хозяйства»), их не стали презентовать в разделе «Коммунисты – ведущая сила», а «отправили» в последующие разделы, снижая, таким образом, их «сакральность». Возможно, за этим редакторским решением скрывалась «мягкая деидеологизация», свойственная эпохе «развитого социализма» в целом и её литературе, в частности («мягкий соцреализм») [38, 165–187; 41, 957].

Наконец, в сравнении с предыдущими сборниками 1951, 1960 гг., сопоставимыми по объёму с книгой 1970 г., нельзя не отметить некоторое усиление внимания к теме Великой Отечественной войны. В 1951 г. в очерке о молодёжи она была представлена текстом в 353 ЛЕ, а в 1960 г. упомянута в статьях о лесной промышленности и здравоохранении в 303 ЛЕ. В разделе «Коммунисты...» анализируемого сборника 1970 г. текст о войне насчитывает 638 ЛЕ, больше, чем сюжет, правда вводного характера, о нефти (337 ЛЕ). Можно предполагать, сказалось и возвращение в 1965 г. выходного дня и проведение парада на Красной площади 9 мая, и актуализация темы войны и в связи с ней сталинского культа, проявившаяся на разных уровнях общественного сознания постоттепельного периода [3, 185–194; 21, 99].

Богатства Севера на службе народа

Раздел «Богатства...» посвящён экономике, характер которой всецело определялся местом – Севером. Наиболее частотные ЛЕ здесь распределились следующим образом: «работа, труд» (49), «рыба, рыбная промышленность» (47), «округ» (38, плюс «Север», «Сибирь», «Приобье», «Югра» 11), «лес, лесная промышленность» (34), «вся промышленность» (30), «новый» (29) «развитие» (17), «хозяйство» (15). Округ презентуется, в первую очередь, как промышленный. Тема нефти лишь обозначена (её раскрывают воспоминания Ф. К. Салманова), промышленность представлена отраслями, сложившимися ещё в довоенный период – рыбной и лесной. ЛЕ со значением «сельское хозяйство», несмотря на «исторический подход» к теме, встречается лишь 4 раза, ЛЕ «колхоз» 3 раза, тогда как в сборниках 1941 и 1960 гг. сельскому хозяйству отводилось 18 и 14 страниц соответственно [17, 767, 770]. Утрата интереса была связана с глубоким

кризисом, в первую очередь земледельческого хозяйства [1, 379], что, как уже отмечалось, имело символическое значение. Во-первых, выращивание зерновых в 1930-е – 1950-е гг., помимо практической цели самообеспечения, имело и политическую – округ преодолевал и преодолел «отсталость», «выравниваясь» с другими регионами России. Во-вторых, свёртывание полеводства на фоне развития рыбо- и лесо-промышленности, а в особенности нефтедобычи содействовало закреплению формировавшегося в предшествующие десятилетия облика округа как промышленного [30, 143–148].

Определение КС раздела позволяет констатировать обесценивание его метафорического заголовка. Довольно обстоятельно описывая «богатства», авторы ограничились лапидарными указаниями на позитивные изменения в жизни «народа». Среди них, если не считать констатаций технического прогресса (богатства не «служат народу», а облегчают и делают более эффективным его труд [23, 33–36]), только благоустроенные посёлки лесорубов и переселение автохтонов «из чумов и юрт в дома» [23, 38, 41].

Обновлённая Югра

Композиционно и содержательно «Обновлённая Югра» завершает тему советских преобразований в Ханты-Мансийском национальном округе, дополняя «недосказанное» предыдущих разделов. Наиболее распространёнными здесь являются КС со значением «коренные народы» 63 (в том числе этнонимы 37), «учреждения культуры» 45 (плюс «здравоохранения» 9), «округ» 34 (плюс «Север» 6, «Югра» 1), «национальное творчество» 25 (плюс «национальные виды спорта» 6), «работа» 26, «национальное» 23, «школа» 22 (плюс «учитель» 6), «культура» 21. Заметно уступают следующие за ними по частоте ЛЕ со значением «город» 18 (в том числе 7 раз названы отдельные города округа), «страна» 11 (плюс «Россия» 1, плюс «СССР» 1), «строительство» 11, «медицина» 9 (плюс «врач» 5, «фельдшер» 1).

Приведённые данные позволяют утверждать: «обновление» в исторической ретроспективе представлено здесь, прежде всего, как развитие национального творчества («Югра» в этом контексте гипотетически может быть прочтена как этноним), сферы социокультурного бытия, образования и здравоохранения.

Материальной основой перемен в трёх последних областях в послевоенные годы показан приток населения, рост посёлков и городов, а общим знаменателем – культурное переустройство жизни коренных малочисленных народов [23, 49, 55].

Наряду с «прежде и теперь» здесь появляется и ещё одна «классическая» советская формула, однако в существенно отредактированном виде. Речь о «национальном по форме и социалистическом по содержанию» «народном творчестве» [23, 50], тогда как ранее использовалось более широкое понятие «культура» [16, 354; 17, 771].

Обратимся к анализу недокументальных текстов.

Путь к большой нефти

В воспоминаниях Ф. К. Салманова наиболее частыми являются ЛЕ со значением «нефть, нефтяное дело» 102, ЛЕ «работа, труд» 59, «скважина» 52, «бурение» 51, «геологи, геологоразведка» 47. Низкая частотность ЛЕ «округ» (8) с лихвой компенсируется использованием в тексте ЛЕ в значении «Сибирь» (21 плюс Приобье 13) и многочисленными региональными топонимами (189, в том числе этническими обско-угорскими 122), обилие которых объясняется значительными масштабами поисков и разработки нефтяных месторождений.

Отличительными особенностями текста является широкое использование характерного для воспоминаний личного местоимения 1-го л. мн. ч. «мы» (69) и заметное присутствие ЛЕ, обозначающих, описывающих, выражающих эмоции: радости (20), переживаний по поводу трудных ситуаций (18), надежды и уверенности (13), энтузиазма (4), «антропологизирующих» историю освоения нефтяного края:

«Как назло, навигация закончилась в первой декаде октября, значительно раньше обычного срока». / «Мы радовались успеху соседей, и завидовали им в те дни». / «Ура-а-а, ура-а-а! – пронеслись по буровой радостные возгласы». / «Первая крупная победа геологов-энтузиастов в Западной Сибири окрылила всех» / «Эти известия тревожили нас» [23, 64, 65, 67, 68, 72].

Образность текста усиливается использованием тропов:

– «С этого дня я участник и свидетель нового рождения края». / «Клич за большую тюменскую нефть покотился от участка к участку, от бригады к бригаде <...>». / «Мы, руководители

экспедиции, твёрдо чувствовали, что свою задачу – открыть Третье Баку – выполним». / «Вся область жила ожиданием первой промышленной нефти». / «Кладовые, открытые тюменскими геологами, называют “открытием века”, а Западную Сибирь – “мировым гигантом номер один”» [23, 59, 69, 70, 76, 77].

Поэтов вдохновенных голоса

И на поэтической страничке юбилейного сборника читатель находит широкий эмотивный ряд. В центре тематизированного пространства – образ коренного северянина и Севера как части России. Открывающая раздел «Россия» Ювана Шесталова и заключающий «Край родимый» Романа Ругина – о родине, сыновнем отношении к ней, это же стихотворение Шесталова и «Мы будим тайгу» Микуля Шульгина – о соединении судеб ханты и русских. Интернационализм, сопряжённый с любовью к своему народу, ярко выражен Владимиром Волдиным в стихотворении «Ханты». К теме обновления, проникающего в жизнь коренных северян, обращаются Шесталов («Ой легенды, что вы врётё») и Шульгин («Любимый Север»).

Завершают сборник три прозаических текста. Первый вновь напоминает читателю о «проклятом прошлом». Рассказ Михаила Мамина «В седом урмане», имеющий подзаголовок – «Из прошлого ханты», представляет собой зарисовки сцен расчётов охотников-ханты со сборщиком ясака и доверенным тобольского купца. Хантов грабят, но они молчат. Жалуются только малолетние сыновья главного героя, мечтающие выбиться из нищеты: «Ничего, зимой мы ещё больше добудем. Верно?» [23, 93].

Второй и третий – завершающие тексты – возвращаются к теме «теперь» в её актуальной, «сегодняшней» версии.

В «Зимнике» Ю. И. Переплёткина, рассказ о трагической гибели юного комсомольца-тракториста на неподготовленной переправе, представляет собой комбинацию разностилевых фрагментов (авторского текста, цитат из газет и комсомольских документов, дневника и переписки героя с матерью), призванных придать реалистичность и «объёмность» рассказанной истории. В центре конфликт между правдой и ложью, альтруизмом и эгоизмом, общественной активностью и пассивностью, патриотизмом и «рвачеством». Пафос героизма поддерживается морально-этическими интенциями, актуальностью романтики и грандиозностью перемен.

В этих условиях «требовалась экстремальность ситуаций – такое развитие событий, которое вело бы к оптимистической трагедии», – комментировали тенденцию современной советской литературы П. Вайль и А. Генис [4, 83].

Заключительный текст сборника «*Кто нашёл газ?*» Ю. Н. Шесталова лишён пафоса. Двое манси встречаются на Сосьвинской пристани. Один, не ясно почему, задаёт вопрос: «Кто нашёл газ?» и сам же начинает рассказывать: «Экспедица нашёл. Начальник нашёл. Быстрицкий» [23, 106]. Речь его перемежается небольшими авторскими вставками, подтверждающего, поясняющего характера. Казалось бы, лишний в книге, посвящённой 1960-м гг., этот текст, по нашему мнению, играет важную роль в её композиции. Юбилейное издание «Обновлённая Югра» начинается с «Югры» и должно закончиться ею. ЛЕ «Югры» здесь нет, но есть «манси», есть позитивное отношение участников разговора к переменам, олицетворяемым открытием берёзовского газа и фигурой Быстрицкого.

«Хороший мужик! Я ему даю лошадь, а он мне – бензин. И спирт есть... <...>. Лауреатом, говорят, он стал. Премию Ленина получил. А вместе работали. Я в колхозе председателем. Встречались на сессиях, в райкоме сходились <...>. А Быстрицкий счастливым был: пусть, что хотят, языки говорят, а газ-то есть, а бензин-то есть, а нефть-то есть!...» [23, 106].

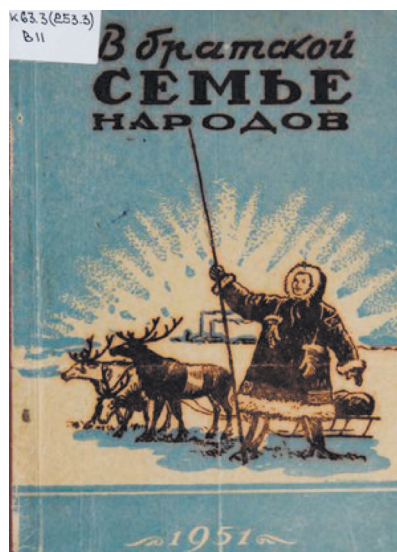
Переключка «пусть, что хотят, языки говорят» Ю. Шесталова с стихотворной строфой М. Шульгина «Пески возле вышки набрякли / В пролившейся чёрной реке. / И радужно светятся капли / На смуглой хантыйской руке» может быть прочитана если и не как неприятие, то, во всяком случае, как понимание неоднозначности на глазах происходящего нефтегазового освоения, понимание, заглушаемое восклицаниями «Пусть буры вгрызаются в недра, / Машины и пилы поют, / И вышки звенят, словно кедры, / В моем нефтяном краю!» [23, 84].

Завершая разбор текста сборника, обратимся к его визуальному ряду, представленному рисунками на обложке, рисованными заставками перед каждым разделом и вставкой из 28 фотографий, помещённой посреди текста воспоминаний Ф. К. Салманова.

Обложка сборника 1970 г. по-новому представляла образ «промышленного обновления» в сравнении с юбилейным сборником 1951 г. Художник М. Бурзалов, во-первых, придал

этому образу вполне определённый, конкретный «нефтяной» символ: не некий гигантский комбинат вдали (на обложке сборника 1951 г.), а нефтяная вышка на переднем плане, а во-вторых,

сообщил состояние движения-развития: перед нами не уже действующий промышленный объект, а вновь осваиваемая территория-стройка (рис. 1, 2).

Рис. 1. Обложка юбилейного сборника «В братской семье народов» (Тюменское областное книжное издательство, Тюмень, 1951).

Рис. 2. Обложка юбилейного сборника «Обновлённая Югра. К 40-летию Ханты-Мансийского национального округа» (Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск, 1970).

Если в 1951 г. абстрактный образ промышленного гиганта был подан на заднем плане, на переднем «братскую семью народов» олицетворял оленевод, приветствующий новую эпоху, то в 1970 г. на плоскости по обе стороны от нефтяной вышки разместились фигуры оленевода и строителя-монтажника, показанные в соответствующем антураже. Вышка может «читаться» и как разделяющая, и как объединившая мир этнической традиции и промышленно-строительного бума. Этничность представлена здесь тынзяном, орнаментом на одежде оленевода и в обрамлении заголовка¹, перекликающимся с «орнаментом» рисунка металлических конструкций вышки; «обновление» дано не только изображениями многоэтажных домов, нефтяных цистерн, подъёмного крана,

вертолёта, но и такой деталью как бинокль на груди пастуха.

На обратной стороне обложки была нарисована карта округа с показанными на ней нефтяными месторождениями.

Книга содержит 28 фотографических изображений. Тематически они «идут вслед» за обложкой. Нефти, нови в целом посвящены 16 изображений, условно говоря, традиции – 9. Доминируют 13 фотопортретов и 11 изображений техники (трактора, вездеходы, грузовики, пароходы). Обращают на себя внимание и 11 фотографий с перспективой «в простор», «в необжитое», «необитаемое».

Абсолютно преобладает «документальное» фото, художественными можно признать лишь портреты Ювана Шесталова (рис. 3), Петра Шешкина и Фармана Салманова (рис. 4).

¹ Орнамент заголовка – «заячье ухо». В традиционной культуре образ зайчихи связывается, в том числе с хантыйским женским божеством Калташ, заячья символика присутствует в родильном обряде [22,102–103]. Можно было бы высказать предположение об осознанном использовании названного орнамента как символа рождения ≈ обновления Югры, имея в виду участие в этом графическом «эксперименте» ханты А. Г. Григорьевой, в 1960-е гг. председателя Сургутского, а с марта 1969 г. – окружного исполкома [1, 56], входившей в состав общественной редколлегии сборника [23, 4]. Однако покрой одежды оленевода, размещение орнамента на рукавах – явная фантазия художника диктуют осторожность в подобных предположениях.

Рис. 3. Поэт-манси Юван Шесталов

Рис. 4. Фарман Салманов,
начальник Правдинской экспедиции,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской премии

Тем не менее, собранные на отдельной вклейке даже документальные фотографии, перекликаясь друг с другом, создают стойкий образ осваиваемой малообжитой территории, земли коренных народов, включённых в общую жизнь Ханты-Мансийского округа. К этому «коллажу» вполне применима оценка В. Т. Стигнеева: «Фотопублицистика не просто рассказывает о жизни, но, главным образом, утверждает в ней определённые идеалы. <...> В заданном контексте она однозначна в хорошем смысле этого слова, и эта однозначность легко прочитывается зрителем» [32, 232].

Завершая, обратимся к определению образа Д. Н. Замятиным, понимающим его как максимально дистанцированную и опосредованную репрезентацию [12, 6]. Исходя из этого, можно утверждать, что образ округа – это «обновлённая Югра». Вербально названный концепт дважды использован в тексте в качестве заголовка всей книги и одного из её разделов. Анализ нехудожественных разделов текста «поддерживает» его: а) земля – древних угров; б) коммунисты ведущая сила – обновления.

В воспоминаниях Ф. К. Салманова округ представлен более чем сотней этнических топонимов именно в связи с нефтеразведкой и добычей, история которых показана эмоционально (тревога, надежда, радость), с использованием тропов – «новое рождение края» / «третий Баку». «Проклятое» прошлое у М. Мамина акцентирует исходный пункт последующих пе-

режен. Стихотворения национальных поэтов, рассказ о Быстрицком прямо этим переменам посвящены.

Визуально образ «обновлённой Югры» воплощается на обложке. Его персонифицируют оленевод, строитель-монтажник и нефтяная вышка, а название книги «Обновлённая Югра» подкрепляется орнаментальным обрамлением со значением «рождения».

Очевидно, что распространённое в литературе мнение об «исчезновении» ЛЕ «Югра» из советского лексикона [1, 8], как минимум, нуждается в уточнении. Тем более, что наш источник представляет собой памятник официального публиолекта, созданного при прямом участии окружка КПСС.

Согласимся с авторами введения к VII тому Академической истории Югры в том, что эта манифестация была вызвана главным образом «большой нефтью», сообщившей округу новую региональную субъектность [1, 10]. Так это понимается теперь. Но ещё более обострённо это новое качество округа воспринималось современниками, особенно окружным начальством. Весьма красноречив в этом отношении зачин текста «Югра – земля древних угров»: «Если на карте СССР яркой линией обвести границы Ханты-Мансийского национального округа, мы увидим, что земли его лежат в самой середине Союза, в его географическом центре. И контуры округа повторяют контуры страны. Совпадение это случайно. Но не случайно бурное развитие

хозяйства и культуры в округе – он идёт в ногу со всей страной, строящей коммунизм» [23, 5]. «Большая нефть», казалось, отменяла устойчивую парадигму «окраина» – «Россия» [37, 513]. Ещё в середине 1950-х гг. о Ханты-Мансийске не слышно было даже в Сибири, а в 1960-е гг. округ становится известным «всему миру как богатейшая нефтяная провинция» [23, 4]. Возможно отсюда и «внезапная» апелляция к земле древних угров – Югре.

Подсчёт показывает: при абсолютном преобладании КС «округ» над КС «Югра» одинаковое число упоминаний Югры и округа как Ханты-Мансийского (11 раз). Было ли это (не-) осознанным действием, «оглушавшим» этническую маркировку? Не «Ханты-Мансийский», а «Югра»? Вопрос, требующий изучения. С одной стороны, в воспоминаниях Ф. К. Салманова (разделе книги прямо посвящённой обновлённой истории) ЛЕ «округ» использована 7 раз (в том числе 4 раза как «Ханты-Мансийский»), а Тюменская область («Тюменщина»), Приобье упоминаются соответственно 8 и 13 раз. Всего раз встречается этноним «ханты». Надо иметь в виду, что для Салманова, мыслящего и действовавшего в интересах государства, Тюменского геологического управления, как и для подавляющего большинства геологов, нефтяников, строителей округ представлялся главным образом частью Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции – дефицит этнонимов с лихвой компенсировали топонимы. Ни одного этнонима не найти в «Зимнике» Ю. И. Переплёткина, рассказывающего ту же историю «покорения и подвига». 7 раз представлены этнические имена коренных северян на поэтической странице (5 раз «ханты» в вышеназванном стихотворении В. С. Волдина) и по 2 раза в «Седом урмане» и «Кто нашёл газ?».

С другой стороны, в сравнении с предшествующим юбилейным изданием 1960 г., где этнонимы не упоминались в шести разделах, в книге 1970 г. их нет только в одном. В этом отношении налицо возврат ко второму юбилейному изданию 1951 г., где этнонимы встречаются везде [17, 770]. Наряду с фактором новой субъектности актуализация Югры и этнонимов вполне могла подпитываться и наметившимся в России к концу 1960-х гг. интересом к национальным традициям [27, 17–21], на Севере совпавшим с выходом на сцену яркой генерации национальных поэтов и писателей.

Обсуждение и заключение

Проведённая работа, предпринятая в продолжение статьи об образе округа 1930–1950-х гг. показала его исторически обусловленные изменения. В 1941 г. Ханты-Мансийский округ был презентован в юбилейном сборнике как «Возрождённый народ», в 1951 г. – один из успешно советизированных северных округов («В братской семье народов»), в 1960 г. – не более чем «один из» регионов страны [17, 768, 770–772]. Первый, а отчасти и второй были созданы в контексте политики нациестроительства, «под сенью Сталинской Конституции», третий («Ханты-Мансийскому округу ХХХ лет») лишился «народности» (= «этничности») в русле общего тренда к «Северу без северян».

Образ 1970 г. возвращал в официально признанный символический ряд «Югру», забытую после 1941 г., а отчасти и коренные малочисленные народы, сравнительно слабо представленные в сборнике 1960 г. «Югра» не просто возвращалась, она вошла в ядро образа округа. В визуальной версии её олицетворяли оленевод, олень, атрибуты тундровой жизни, орнамент. И хотя вербально она понималась почти исключительно как регион, её прочтение как «земли угров» в отдельных случаях всё же было возможным.

Исторические причины возвращения такого этнического, по сути, начала в качестве заметного аспекта образа Ханты-Мансийского округа заключались в изменении его народнохозяйственной роли и значения. В условиях начала широкой разработки крупных нефтяных месторождений складывается идеологический заказ на новую презентацию, яркость которой была достигнута использованием приёма контраста «древней» и «обновлённой» Югры.

В 2019 г., когда была опубликована статья И. А. Верховского, представления об аутентичном образе округа (≈ образе 1970 г.), тем более вне официозного дискурса, не обладали однозначностью и яркостью. Современный наблюдатель, признавая его поликультурный характер, видит «истончение», коммерциализацию и музеефикацию «архаики», тяжёлые экологические и социокультурные последствия «нефтяной модернизации», признаёт наличие опасений деформации «своего» «чужим».

Учит ли чему-нибудь история – сложный вопрос. Очевидным видится другое: современные обстоятельства помогают нам лучше понять про-

шное, из которого вырос сегодняшний день. Сегодняшние проблемы были посеяны (и проигнорированы или недооценены) вчера. В официальном образе 1970 г. слабыми оказались «логическое» – «знаниевое» и этическое начала. Его яркость и пафос обеспечивались не только остротой восприятия, взбудораженного «Большой нефтью», но и умолчаниями о нерешённых вопросах, острота которых способна была заметно приглушить значение действительно больших побед и свершений. Комплиментарный подход оставил «за кадром» результаты насильственного сселения автохтонов в крупные посёлки, негативные

изменения в их хозяйственном быту, проблемы языка, национальной школы, интерната и деформации семьи, издержки хищнического отношения к природным ресурсам округа – всё то, о чём тогда нельзя (да в юбилейном издании и неуместно) было говорить публично. Оценивая источник сегодня, мы, во-первых, должны учитывать всю сложность и противоречивость этого опыта, во-вторых, понимать, официальные образы, даже деформированные пафосом, имели и имеют большую продуцирующую силу, свойство воплощаться в действительность в целом или в отдельных своих составляющих.

Список источников и литературы

1. Академическая история Югры: в 8 т. / под общей ред. Р. Г. Пихои. Ханты-Мансийск: ИД Новости Югры, 2024. Т. 7: Второе «покорение Сибири»: Ханты-Мансийский автономный округ – Югра в годы становления и развития нефтегазового комплекса (1953–1991) / отв. ред. Е. Ю. Зубкова, А. И. Прищепа. 712 с.
2. Артемьева П. С. Особенности поликультурного текста как феномена действительности // Известия Саратовского ун-та. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19. Вып. 4. С. 395–403.
3. Бордюгов Г. А. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. М.: АИРО-XXI, 2010. 256 с.
4. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 368 с.
5. Васильева Г. М., Виноградова М. В. Культурно-географический образ Сибири в языковом сознании российских студентов: диахронический аспект // Сибирский филологический форум. 2022. № 2 (19). С. 4–15.
6. Верховский И. А. «Своё – чужое»: региональная идентичность Югры // История, языки и культура северных народов. Материалы Всеросс. науч.-практ. конф. XVII Югорские чтения, посвящённой 90-летию со дня рождения доктора филологических наук Евдокии Ивановны Ромбандеевой. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2019. С. 264–273.
7. Гаврилов В. В. «Югорский текст» как культурный феномен: к постановке проблемы // Филология: научные исследования. 2021. № 11. С. 67–77.
8. Гололобов Е. И. Конструирование геоисторического образа Севера Западной Сибири в конце XIX – первой трети XX века в российском (советском) общественном сознании // Современная регионалистика: Сб. статей Всеросс. науч. конф. Сургут: РИО СурГПИ, 2016. С. 258–264.
9. Гололобов Е. И. Сибирский Север: динамика образа – от barren grounds к northern plain // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 1. С. 137–152.
10. Гололобов Е. И. Пространство Югры в региональных архивных документах // Югорский текст как поликультурный феномен. Коллективная монография / гл. ред. Д. В. Ларкович. Тюмень: Экспресс, 2023. С. 108–118.
11. Ершов М. Ф. Литературный текст как историко-этнографический источник: по материалам произведений писателей Югры, Урала и Южной Сибири. Ханты-Мансийск; Тюмень: Сити-пресс, 2015. 208 с.
12. Замятин Д. Н. Геокультура: образ и его интерпретации // Вестник Евразии. 2002. № 2. С. 5–17.
13. Замятин Д. Н. Метагеографические образы Сибири // Независимая газета. 2010. 22 сентября.
14. Зиновьева В. И. Лингвокультурология: от теории к практике. СПб.: Нестор-История, 2016. 179 с.
15. Киселёв А. Г., Онина С. В. «Возрождённый народ»: опыт лингвистического прочтения исторического нарратива // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации. Мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. XX Югорские чтения. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2022. С. 342–350.
16. Киселев А. Г., Онина С. В. Северная школа в представлениях местных руководителей образования середины 1950-х гг. // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 2. С. 347–357.
17. Киселев А. Г., Онина С. В. Образ Ханты-Мансийского округа в юбилейных изданиях 1941–1960 гг. // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 4 (55). С. 764–775.
18. Лингвокогнитивное моделирование имиджа Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (по данным федеральных средств массовой информации) / Е. А. Челак, К. Р. Руссу, Н. В. Филимонова, Л. Ф. Валиева // Litera. 2021. № 10. С. 156–168.
19. Малахова Л. П. Репрезентация вербальной югорской культуры в процессе «советизации» через печатные издания // Югорский текст как поликультурный феномен. Коллективная монография / гл. ред. Д. В. Ларкович. Тюмень: Экспресс, 2023. С. 95–107.
20. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. 562 с.
21. Медведев Р. А. Политические портреты Л. И. Брежнева и Ю. В. Андропова. М.: Время, 2014. 479 с.

22. Молданова Т. А. Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. 261 с.
23. Обновлённая Югра. К 40-летию Ханты-Мансийского национального округа. Свердловск: Средне-уральское книж. изд-во, 1970. 110 с.
24. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с.
25. Полякова Л. В. Филологическая регионалистика как наука: к постановке проблемы // Филологическая регионалистика. 2015. № 3-4 (15-16). С. 7-16.
26. Потехина М. С. Проблемы ключевых слов в филологии // Известия Саратовского ун-та. Нов. Сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17. Вып. 3. С. 284-287.
27. Разуvalова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 616 с.
28. Сироткина Т. А. Концепт «Югра» в лингвокультурном пространстве региона // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 3. С. 37-42.
29. Слѣзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 512 с.
30. Стась И. Н. Образ промышленного освоения: Ханты-Мансийский Север в ожидании перемен в послевоенные годы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 6. С. 139-151.
31. Стафеев О. Н. Образ региона. Индустриальное освоение Севера Западной Сибири в общественном сознании // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 20. С. 360-370.
32. Стигнеев В. Т. Век фотографии. 1894-1994. Очерки истории отечественной фотографии. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2019. 392 с.
33. Трахтенберг А. Д. «Югра же людье есть язык нем»: опыт исторического анализа дискурса // Антиномии. 2005. № 6. С. 290-312.
34. Щур Г. С. Теории поля в лингвистике. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009. 264 с.
35. Югорский текст как поликультурный феномен. Коллективная монография / гл. ред. Д. В. Ларкович. Тюмень: Экспресс, 2023. 384 с.
36. Csepregi M., Onina S. Observations of Khanty Identity: the Synya and Surgut Khanty. Ethnic and Linguistic Context of Identity: Finno-Ugric Minorities. Helsinki: [w/p], 2011. Pp. 341-356.
37. Philosophy and Linguistic of Siberia in the New Millennium / V. N. Bocharnikov, I. V. Erofeeva, A. A. Badmayev, Yu. W. Biktimirova, T. Yu. Ignatovich, V. A. Burnakov, B. V. Markov, R. Yu. Fyodorov, E. K. Alekseeva // Humans in the Siberian Landscapes: Ethnocultural Dynamics and Interaction with Nature and Space. Cham: Springer International Publishing, 2022. Pp. 503-534.
38. Sandle M. Brezhnev and Developed Socialism: the Ideology of Zastoy // Brezhnev Reconsidered / ed. by E. Bacon, M. Sandle. Basingstok; New York: Palgrave Macmillan, 2002. 233 p.
39. Siberia's Nature and Natural Resources in the Culture of Indigenous and Russian Population / A. A. Sokolova, O. M. Ryndina, E. E. Dutchak, G. V. Lyubimova, V. V. Simonova, V. A. Belyaeva-Sachuk // Humans in the Siberian Landscapes: Ethnocultural Dynamics and Interaction with Nature and Space. Cham: pringer International Publishing, 2022. Pp. 447-475.
40. Slezkine Yu. Arctic Mirror: Russia and the small peoples of the North. Ithaca: Cornell Unives. Press. 1994. 456 p.
41. Smola K. (Re)shaping Literary Canon in the Soviet Indigenous North // Slavic Review. 2022. Vol. 81. № 4. Pp. 955-975.

References

1. *Akademicheskaya istoriya Yugry: v 8 t.* [Academic history of Yugra: in 8 vol.]: Ed. R. G. Pikhoi. Khanty-Mansiysk: ID Novosti Yugry Publ., 2024. T. 7. *Vtoroye "pokoreniye Sibiri": Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug – Yugra v gody stanovleniya i razvitiya neftegazovogo kompleksa (1953–1991)* [The second "conquest of Siberia": Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra in the years of formation and development of the oil and gas complex (1953–1991)]. Ed. E. Yu. Zubkova, A. I. Prishchepa. 712 p. (In Russian)
2. Artemyeva P. S. *Osobennosti polikul'turnogo teksta kak fenomena deystvitel'nosti* [Features of a multicultural text as a phenomenon of reality]. *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Ser. Filologiya. Zhurnalistika* [News of Saratov University. Series: Philology. Journalism], 2019, no. 19 (4), pp. 395–403. (In Russian)
3. Borydugov G. A. *Oktyabr'. Stalin. Pobeda. Kul't yubileyev v prostranstve pamyati* [October. Stalin. Victory. The cult of anniversaries in the space of memory]. Moscow: AIRO-XXI Publ., 2010. 256 p. (In Russian)
4. Vayl P., Genis A. *60-ye. Mir sovetskogo cheloveka* [60s. The world of a Soviet man]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998. 368 p. (In Russian)
5. Vasilyeva G. M., Vinogradova M. V. *Kul'turno-geograficheskii obraz Sibiri v yazykovom soznanii rossiyskikh studentov: diakhronicheskiy aspekt* [The cultural and geographical image of Siberia in the linguistic consciousness of Russian students: a diachronic aspect]. *Sibirskiy filologicheskii forum* [Siberian Philological Forum], 2022, no. 2 (19), pp. 4–15. (In Russian)
6. Verkhovskiy I. A. *"Svoye – chuzhoye": regional'naya identichnost' Yugry* ["Us – them": regional identity of Yugra]. *Istoriya, yazyki i kul'tura severnykh narodov. Materialy Vseross. nauch.-prakt. konf. XVII Yugorskiye chteniya, posvyashchonnay 90-letiyu so dnya rozhdeniya doktora filologicheskikh nauk Yevdokii Ivanovny Rombandeyevoy* [History, languages and culture of northern peoples. Materials of the All-Russian scientific and practical conference the XVII Yugra Readings, dedicated to

the 90th anniversary of the birth of the Doctor of Philological Sciences Evdokia Ivanovna Rombandeeva]. Khanty-Mansiysk: Pechatnyj mir g. Hanty-Mansijsk Publ., 2019. Pp. 264–273. (In Russian)

7. Gavrilov V. V. “*Yugorskiy tekst*” kak kul’turnyy fenomen: k postanovke problemy [“Yugra text” as a cultural phenomenon: towards the formulation of the problem]. *Filologiya: nauchnyye issledovaniya* [Philology: scientific research], 2021, no. 11, pp. 67–77. (In Russian)

8. Gololobov Ye. I. *Konstruirovaniye geoistoricheskogo obraza Severa Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – pervoy trety XX veka v rossiyskom (sovetskom) obshchestvennom soznanii* [Construction of the geohistorical image of the North of Western Siberia at the end of the XIX – first third of XX centuries in the Russian (Soviet) public consciousness]. *Sovremennaya regionalistika: Sb. statey Vseross. nauch. konf.* [Modern regional studies: Collection of articles of the All-Russian scientific conference]. Surgut: RIO SurGPI Publ., 2016. Pp. 258–264. (In Russian)

9. Gololobov Ye. I. *Sibirskiy Sever: dinamika obraza – ot barren grounds k northern plain* [Siberian North: dynamics of the image – from barren grounds to northern plain]. *Quaestio Rossica* [Quaestio Rossica], 2017, no. 5 (1), pp. 137–152. (In Russian)

10. Gololobov Ye. I. *Prostranstvo Yugry v regional’nykh arkhivnykh dokumentakh* [The space of Yugra in regional archival documents]. *Yugorskiy tekst kak polikul’turnyy fenomen. Kollektivnaya monografiya* [Yugra text as a multicultural phenomenon. Collective monograph]. Ed. D. V. Larkovich. Tyumen: Express Publ., 2023. Pp. 108–118. (In Russian)

11. Yershov M. F. *Literaturnyy tekst kak istoriko-etnograficheskiy istochnik: po materialam proizvedeniy pisateley Yugry, Urala i Yuzhnoy Sibiri* [Literary text as a historical and ethnographic source: based on materials of the works of writers of Yugra, the Urals and Southern Siberia]. Khanty-Mansiysk; Tyumen: Siti-press Publ., 2015. 208 p. (In Russian)

12. Zamyatin D. N. *Geokul’tura: obraz i yego interpretatsii* [Geoculture: image and its interpretations]. *Vestnik Yevrazii* [Bulletin of Eurasia], 2002, no. 2, pp. 5–17. (In Russian)

13. Zamyatin D. N. *Metageograficheskiye obrazy Sibiri* [Meta-geographical images of Siberia]. *Nezavisimaya Gazeta* [Independent Newspaper], 2010, September 22. (In Russian)

14. Zinovyeva V. I. *Lingvokul’turologiya: ot teorii k praktike*. [Linguoculturology: from theory to practice]. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2016. 179 p. (In Russian)

15. Kiselev A. G., Onina S. V. “*Vozrozhdonnyy narod*”: opyt lingvisticheskogo prochteniya istoricheskogo narrativa [“Reborn people”: experience of linguistic reading of historical narrative]. *Korennyye malochislennyye narody Severa, Sibiri i Dal’nego Vostoka: traditsii i innovatsii. Mat-ly Vseross. nauch.-prakt. konf. XX Yugorskiye chteniya* [Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: traditions and innovations. Materials of the All-Russian scientific and practical conference the XX Yugra Readings]. Khanty-Mansiysk: Pechatnyj mir g. Hanty-Mansijsk Publ., 2022. Pp. 342–350. (In Russian)

16. Kiselev A. G., Onina S. V. *Severnaya shkola v predstavleniyakh mestnykh rukovoditeley obrazovaniya serediny 1950-kh gg.* [Northern school in the views of local educational leaders in the middle of the 1950s]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2022, no. 12 (2), pp. 347–357. (In Russian)

17. Kiselev A. G., Onina S. V. *Obraz Khanty-Mansiyskogo okruga v yubileynykh izdaniyakh 1941–1960 gg.* [The image of Khanty-Mansiysk Okrug in anniversary publications of 1941–1960]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2023, no. 13 (4/55), pp. 764–775. (In Russian)

18. *Lingvokognitivnoye modelirovaniye imidzha Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga – Yugry (po dannym federal’nykh sredstv massovoy informatsii)* [Linguocognitive modeling of the image of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra (according to federal media)]. Ye. A. Chelak, K. R. Russu, N. V. Filimonova, L. F. Valiyeva. *Litera* [Litera], 2021, no. 10, pp. 156–168. (In Russian)

19. Malakhova L. P. *Reprezentatsiya verbal’noy yugorskoy kul’tury v protsesse “sovetizatsii” cherez pechatnyye izdaniya* [Representation of verbal Yugra culture in the process of “Sovietization” through printed publications]. *Yugorskiy tekst kak polikul’turnyy fenomen. Kollektivnaya monografiya* [Yugra text as a multicultural phenomenon. Collective monograph]. Ed. D. V. Larkovich. Tyumen: Express Publ., 2023. Pp. 95–107. (In Russian)

20. Matveeva T. V. *Polnyy slovar’ lingvisticheskikh terminov* [Complete dictionary of linguistic terms]. Rostov-on-Don: Fenix Publ., 2010. 562 p. (In Russian)

21. Medvedev R. A. *Politicheskkiye portrety L. I. Brezhneva i Yu. V. Andropova* [Political portraits of L. I. Brezhnev and Yu. V. Andropov]. Moscow: Vremya Publ., 2014. 479 p. (In Russian)

22. Moldanova T. A. *Ornament khantov Kazym’skogo Priob’ya: semantika, mifologiya, genezis* [Ornament of the Khanty people of the Kazym Ob region: semantics, mythology, genesis]. Tomsk: Izdatel’stvo Tomskogo universiteta Publ., 1999. 261 p. (In Russian)

23. *Obnovlennaya Yugra. K 40-letiyu Khanty-Mansiyskogo natsional’nogo okruga* [Renewed Yugra. To the 40th anniversary of Khanty-Mansiysk National Okrug]. Sverdlovsk: Sredne-ural’skoe knizh. izd-vo Publ., 1970. 110 p. (In Russian)

24. Plungyan V. A. *Vvedeniye v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskiye znacheniya i grammaticheskiye sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the world’s languages]. Moscow: RGGU Publ., 2011. 672 p. (In Russian)

25. Polyakova L. V. *Filologicheskaya regionalistika kak nauka: k postanovke problem* [Philological regional studies as a science: towards the formulation of the problem]. *Filologicheskaya regionalistika* [Philological Regional Studies], 2015, no. 3-4 (15–16), pp. 7–16. (In Russian)

26. Potekhina M. S. *Problemy klyuchevykh slov v filologii* [Problems of keywords in philology]. *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Nov. Ser. Ser. Filologiya. Zhurnalistika* [News of Saratov University. New Series. Series Philology. Journalism], 2017, no. 17 (3), pp. 284–287. (In Russian)

27. Razuvalova A. *Pisateli-“derevenshchiki”*: literatura i konservativnaya ideologiya 1970-kh godov [“Village writers”: literature and conservative ideology of the 1970s.]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 616 p. (In Russian)
28. Sirotkina T. A. *Kontsept “Yugra” v lingvokul'turnom prostranstve regiona* [The concept of “Yugra” in the linguistic and cultural space of the region]. *Filologicheskiiy vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Philological Bulletin of the Surgut State Pedagogical University], 2020, no. 3, pp. 37–42. (In Russian)
29. Slyozkin Yu. *Arkticheskiye zerkala: Rossiya i малыye narody Severa* [Arctic mirrors: Russia and the small peoples of the North]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 512 p. (In Russian)
30. Stas I. N. *Obraz promyshlennogo osvoyeniya: Khanty-Mansiyskiy Sever v ozhidanii peremen v poslevoynnyye gody* [Image of industrial development: Khanty-Mansiysk North in anticipation of changes in the post-war years]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Surgut State Pedagogical University], 2019, no. 6, pp. 139–151. (In Russian)
31. Stafeev O. N. *Obraz regiona. Industrial'noye osvoyeniye Severa Zapadnoy Sibiri v obshchestvennom soznanii* [Image of the region. Industrial development of the North of Western Siberia in the public consciousness]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture], 2008, no. 20, pp. 360–370. (In Russian)
32. Stigneev V. T. *Vek fotografii. 1894–1994. Ocherki istorii otechestvennoy fotografii* [Century of photography. 1894–1994. Essays on the history of Russian photography]. Moscow: Knizhnyy dom LIBROKOM Publ., 2019. 392 p. (In Russian)
33. Trakhtenberg A. D. “Yugra zhe lyud'ye yest' yazyk nem”: opyt istoricheskogo analiza diskursa [“Yugra people has a silent language”: experience of historical analysis of discourse]. *Antinomii* [Antinomies], 2005, no. 6, pp. 290–312. (In Russian)
34. Shchur G. S. *Teorii polya v lingvistike* [Field theories in linguistics]. Moscow: Knizhnyy dom LIBROKOM Publ., 2009. 264 p. (In Russian)
35. *Yugorskiy tekst kak polikul'turnyy fenomen. Kollektivnaya monografiya* [Yugra text as a multicultural phenomenon. Collective monograph]. Ed. D. V. Larkovich. Tyumen: Express Publ., 2023. 384 p. (In Russian)
36. Csepregi M., Onina S. *Observations of Khanty Identity: the Synya and Surgut Khanty. Ethnic and Linguistic Context of Identity: Finno-Ugric Minorities*. Helsinki: [w/p], 2011. Pp. 341–356. (In English)
37. Bocharnikov V. N., Erofeeva I. V., Badmayev A. A., Biktimirova Yu. W., Ignatovich T. Yu., Burnakov V. A., Markov B. V., Fyodorov R. Yu., Alekseeva E. K. *Philosophy and Linguistic of Siberia in the New Millennium. Humans in the Siberian Landscapes: Ethnocultural Dynamics and Interaction with Nature and Space*. Cham: Springer International Publishing, 2022. Pp. 503–534. (In English)
38. Sandle M. *Brezhnev and Developed Socialism: the Ideology of Zastoy. Brezhnev Reconsidered*. Ed. by E. Bacon, M. Sandle. Basingstok; New York: Palgrave Macmillan, 2002. 233 p. (In English)
39. Sokolova A. A., Ryndina O. M., Dutchak E. E., Lyubimova G. V., Simonova V. V., Belyaeva-Sachuk V. A. *Siberia's Nature and Natural Resources in the Culture of Indigenous and Russian Population. Humans in the Siberian Landscapes: Ethnocultural Dynamics and Interaction with Nature and Space*. Cham: Pringer International Publishing, 2022. Pp. 447–475. (In English)
40. Slezkine Yu. *Arctic Mirror: Russia and the small peoples of the North*. Ithaca: Cornell Unives. Press. 1994. 456 p. (In English)
41. Smola K. (Re)shaping Literary Canon in the Soviet Indigenous North. *Slavic Review*, 2022, no. 81 (4), pp. 955–975. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Киселёв Александр Георгиевич, главный научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14А), доктор исторических наук.

kiselev1954@mail.ru

ORCID.ID: 0000-0003-4677-5250

Онина Софья Владимировна, профессор, Югорский государственный университет (6280012, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16), доктор филологических наук.

oninas@yandex.ru

ORCID.ID: 0000-0002-3003-993X

ABOUT THE AUTHORS

Kiselev Alexander Georgievich, Chief Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira Str., 14A), Doctor of Historical Sciences.

kiselev1954@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-4677-5250

Onina Sofya Vladimirovna, Professor, Yugra State University (6280012, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Chekhov Str., 16), Doctor of Philological Sciences.

oninas@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-3003-993X